

## Коммунизм между невозможностью и неизбежностью

*Демидов А.Б.*

*Учреждение образования «Витебский государственный университет  
имени П.М. Машерова», Витебск*

*Вследствие неудачи построения коммунистического общества путем упразднения частной собственности стали забываться и причины этого предприятия. Между тем не исчезло явление, в котором К. Маркс усмотрел корень человеческих неурядиц — отчуждение труда.*

*Цель статьи — ответить на вопрос: доказано ли, что коммунизм невозможен? И наоборот: доказано ли, что коммунизм неизбежен или хотя бы возможен при определенных условиях?*

***Материал и методы.** Проанализированы аргументы противников и сторонников коммунизма. Особое внимание уделено понятию отчуждения труда, которое стимулировало социально-философские и экономические изыскания К. Маркса. Используются общелогические методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Установлено, что четкие критерии коммунизма не выработаны как его сторонниками, так и противниками. Ввиду отсутствия положительного проекта коммунизма невозможно судить, был ли он и может ли возникнуть. Однако наличие отчуждения труда и его негативное влияние на человеческое существование несомненно. До сих пор его причиной считали разделение труда или частную собственность. Автор полагает, что причина отчуждения труда — товарная форма производства.*

***Заключение.** В ходе исследования выяснилось, что современное развитие производительных сил ведет, вероятно, к обесмысливанию товарной формы общественного производства, отмирание которой повлечет ненужность наемного, отчужденного труда.*

***Ключевые слова:** коммунизм, отчуждение труда, постиндустриальное общество.*

*(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 98–111)*

## Communism between the Impossibility and Inevitability

*Demidov A.B.*

*Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk*

*Following the failure of communist society construction by abolishing private property we started to forget causes of this attempt. Meanwhile the phenomenon of alienation of labor, which K. Marx considered to be the root of human misfortunes, did not disappear.*

*The purpose of the article is to answer the question if it has been proven that communism is impossible. And vice versa: has it been proven that communism is inevitable or at least possible in some circumstances.*

***Material and methods.** Arguments of the opponents and the supporters of communism are analyzed. Special attention is paid to the notion of labor alienation, which stimulated social and philosophic as well as economic researches of K. Marx. General logical methods are used.*

***Findings and their discussion.** It is found out that clear criteria of communism were not elaborated by either its supporters or its opponents. Since the positive communist project does not exist it is impossible to state if it was or it can emerge. However, the presence of labor alienation and its negative impact on human existence is obvious. So far its reasons have been considered to be labor separation or private property. The author thinks that the reason for labor alienation is commodity form of production.*

***Conclusion.** In the course of the research it was found out that the contemporary development of production forces apparently leads to the senselessness of the commodity form of public production, the dying of which will result in the unnecessary in alienated labor.*

***Key words:** communism, alienation of labor, post industrial society.*

*(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 98–111)*

---

*Адрес для корреспонденции: e-mail: ab-demidov@yandex.ru — А.Б. Демидов*

---

**В**следствие неудачи построения коммунистического общества путем упразднения частной собственности стали забываться и причины этого предприятия. Между тем не исчезло явление, в котором К. Маркс усмотрел корень человеческих неурядиц – отчуждение труда.

Цель статьи – ответить на вопрос: доказано ли, что коммунизм невозможен? И наоборот: доказано ли, что коммунизм неизбежен или хотя бы возможен при определенных условиях?

**Материал и методы.** Проанализированы аргументы противников и сторонников коммунизма. Особое внимание уделено понятию отчуждения труда, которое стимулировало социально-философские и экономические изыскания К. Маркса. Используются общелогические методы.

**Результаты и их обсуждение. 1. Отрицание коммунизма.** Нетрудно найти высказывания, ставящие крест на коммунизме. Их авторы как будто испытывают облегчение: наконец-то все стало ясно: коммунизм – утопия, фикция, и хватит морочить ею головы. Вот, к примеру, заметки А.И. Зеличенко в «живом журнале»: «Теория коммунизма. Здесь ошибка на ошибке». «Выделение в качестве основного атрибута формы собственности. Недооценка главного фактора – личностного развития». «Все это сделало коммунизм исторически нежизнеспособным. Такая модель не работает. Точка» [1].

Московский философ Л.Е. Балашов считает несбыточными надежды избавить людей от пороков и взаимной вражды посредством коммунистического уничтожения частной собственности: «Попытки искоренить столкновения, конфликты, конфронтацию, борьбу между людьми заранее обречены на неудачу. Они утопичны в своей основе» [2, с. 197].

Арчи Браун, отрекомендованный в аннотации к его книге как ученый с мировым именем, проведший новаторское и глубочайшее исследование о «взлете и падении коммунизма», вывел, впрочем, отнюдь не новаторскую мысль: «Идея построения коммунистического общества, в котором отомрет государство, оказалась опасной иллюзией» [3, с. 845].

Карл Поппер, известный специалист в области логики и философии науки, написал еще в годы Второй мировой войны книгу против врагов «открытого общества», попавших под чары «коммунистической иллюзорной идеологии» [4, т. 1, с. 15]. В добавленном позже письме к русским читателям он безапелляционно заявил, что

«марксизм – это совершенно ложная и весьма претенциозная теория» [4, т. 2, с. 478]. На деле возражения К. Поппера против марксизма и коммунизма опираются скорее на его личный опыт и эмоции, чем беспристрастный научный анализ. На основании этого опыта он почувствовал себя вправе судить марксистско-коммунистическую идею, поскольку на какое-то время она стала как бы его идеей. «Критикуя марксизм, я до некоторой степени критиковал и самого себя, поскольку в ранней молодости был марксистом и даже коммунистом. (Мне не было и 17 лет, когда я отверг это учение.)» [4, т. 1, с. 7]. И вот на протяжении двух томов своей книги Поппер развенчивал собственные идеи, будучи уверенным, что наносит сокрушительный удар по теории Маркса. Но Поппера можно понять, ведь он писал под влиянием личной подростковой психической травмы. О ней Поппер признался в послесловии к русскому изданию (1992 г.). Он доверительно обратился к русским читателям, еще не оправившимся от развала СССР и навалившейся нищеты (надо учесть этих читателей, пока они деморализованные!): «Расскажу вам о том, как сам я в молодости обратился... в марксистскую веру и как... накануне моего семнадцатилетия я стал противником марксизма и с тех пор не менял своих убеждений». Приступая к рассказу, он предупредил, чтобы было понятнее: «Мои родители были твердыми пацифистами», а папа – «весьма образованный юрист» и либерал [4, т. 2, с. 479]. Однажды в 1919 г. Карл «из любознательности» захотел «выяснить, что же представляет собой коммунистическая партия», зашел «в штаб-квартиру партии и предложил свои услуги в качестве добровольного помощника». Его «встретили с распростертыми объятиями высокие партийные чины». Он едва не угодил в «идеологическую мышеловку», но сумел выскользнуть из нее благодаря «моральному шоку». Летом того же года проходила «по призыву коммунистов демонстрация безоружных молодых людей». А сам Карл «одобрил призыв к ее проведению и даже уговаривал сомневающихся идти на нее». Демонстрация «была встречена огнем полицейских», погибло восемь человек. В результате пережитого шока Карл «стал критически анализировать марксизм» и «избежал марксистской ловушки» [4, т. 2, с. 484]. Однако осталось непонятным в его рассказе, почему потомственный пацифист Карл Поппер разобиделся на безоружных коммунистов, а не на полицейских, которые их расстреливали?

Заявлений о том, что коммунизм – это утопия, иллюзия и т.п. и что марксистская теория

ошибочна, ненаучна, много. Но кроме кивков на исчезновение СССР, «рожденного Октябрем», более основательных «доказательств» несостоятельности коммунизма за подобными декларациями не видно.

**2. Что такое коммунизм?** Не всякий, кто истово отрещивается от «призрака коммунизма», задается вопросом, знает ли он предмет, о котором судит, может ли внятно определить, что такое коммунизм. Вышеупомянутый А. Браун все-таки призадумался об этом и глубокомысленно заметил, что «использование термина “коммунистический” требует точности и осмотрительности» [3, с. 151]. Себе в союзники по данному вопросу А. Браун призвал Дж. Х. Каутского, писавшего: «Коммунизм в умах разных людей стал означать совершенно разные вещи... Как описательное, аналитическое понятие коммунизм стал бесполезен, он потерял содержательный смысл для характеристики людей, движений, организаций, систем или идеологий» [цит. по: 3, с. 151]. Заручившись такой поддержкой, А. Браун далее пишет: «слово “коммунизм” вошло в повседневный лексикон людей XX в., особенно в годы “холодной войны”. Многие из них, даже не зная точного определения этого термина, адекватно представляют себе его смысл, но редко способны точно сформулировать, чем коммунистические системы отличаются от иных тоталитарных или авторитарных систем. С усердием, достойным лучшего применения, политологи, изучавшие СССР, потратили немало времени, придумывая различные ярлыки для существовавшей в нем политической системы и споря о том, какой из них следует считать наиболее подходящим. Но они упускали из виду главное, заключающееся в том, что самое исчерпывающее и всеобъемлющее представление о сущности этой системы содержит в себе термин “коммунистическая”. Действительно, Советский Союз представлял собой самый типичный образец коммунистической системы» [3, с. 151]. Такой способ определения понятия (представления) или значения слова посредством указания на соответствующий предмет называется в логике остенсивным. У него есть свои достоинства, но имеются также изъяны. Например, на предложение дать определение выражения «плохой человек» кто-то может просто указать на того, кто ему очень не нравится, и сказать: «Вот, что такое “плохой человек”».

Недалеко ушел от подобного способа определения и А.А. Зиновьев. Он тоже отмечает, что «слово “коммунизм” не отличается однознач-

ностью и определенностью». А. Зиновьев указал разные варианты толкования этого слова, а для себя решил придерживаться двух значений, различая «коммунизм как идеологию» и «коммунизм как реальность» [5, с. 7]. Так вот, «реальный коммунизм... это – тип общественного устройства, которое в наиболее развитой для нашего времени форме можно наблюдать в Советском Союзе» [5, с. 7]. Здесь опять остенсивное определение. В конечном счете, А.А. Зиновьев дает следующую формулировку: «Во избежание терминологической путаницы и бессмысленных терминологических споров словом “коммунизм” (или “коммунистический социальный строй”) я называю тип общественного устройства, какое можно было наблюдать в Советском Союзе до 1985 года, в странах советского блока в Восточной Европе, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и других странах» [6, с. 468]. Предвидя возражение тех, кто считает, что в СССР не было коммунизма как такового, А.А. Зиновьев добавляет: «Я готов признать их мнение справедливым лишь при том условии, что они построят “настоящий коммунизм” в реальности, а не только в воображении» [6, с. 469].

Забавно получается. Человек, отождествивший *понятие* коммунизма с *фактом* существования Советского Союза, употреблял такие выражения, как «коммунистическая утопия», хотя СССР в отличие от острова Утопия, придуманного Томасом Мором, все-таки объективно существовал в нашем мире. Даже известному специалисту по логике эта самая логика может изменять, когда он заводит речь о коммунизме.

**3. Определения коммунизма. 3.1. Нелояльные определения коммунизма.** Итак, что же называют коммунизмом разные его друзья и недруги? К. Поппер понимал под коммунизмом отмену частной собственности [4, т. 1, с. 81]. М. Кастельс, которого его поборники причисляют к самым авторитетным социальным мыслителям современности, отличил коммунизм по его цели, каковой, по мнению этого автора, является тотальный контроль партии над государством и государства над обществом [7, с. 439]. У А.А. Зиновьева кроме вышеприведенных остенсивных определений есть и описательное: «реальный коммунизм» – это общество, в котором ликвидированы классы частных собственников и сама частная собственность, все граждане являются служащими государства, созданы мощные карательные органы и мощный аппарат идеологической обработки населения [6, с. 298]. Получается, что все в СССР,

---

что было не любо Зиновьеву (конечно, не только ему), это и есть «коммунизм». Так понимают коммунизм его недруги.

3.2. *Лояльные определения коммунизма.* А что называют коммунизмом его друзья? На XXII съезде КПСС в 1961 г. была принята Третья Программа КПСС, содержащая определение: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества»; в нем «на основе высокоразвитых производительных сил осуществится принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”»; в нем «труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью», а «способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [8, с. 274]. Те признаки «коммунизма», которые выдвинуты на передний план, по сути, не утверждающие, а отрицающие то, чего не будет: не будет классов, частной собственности, социального неравенства. Из положительных признаков указано наличие высокоразвитых производительных сил, получение каждым членом общества своей доли от производимых продуктов по мере потребностей, обусловленность трудовой отдачи каждого его способностями. Эти положительные признаки не вполне понятны и нуждаются в разъяснениях.

Советские экономисты Л.И. Абалкин и А.М. Румянцев сформулировали для «Экономической энциклопедии» такое определение: «Коммунизм – социально-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства и дающая полный простор развитию производительных сил... гармоничный общественный строй, ведущий к окончательному устранению всех форм социального и национального угнетения и неравенства» [9, с. 194]. Здесь, как и в Программе КПСС, первейшим признаком коммунизма названа общественная собственность на средства производства. В той же энциклопедии выражение «общественная собственность» (она же социалистическая или общенародная) истолковывается как собственность государственная [10, с. 143, 601]. Однако правомерность отождествления выражений «государственная собственность» и «общественная собственность» вызывает сомнения. Когда частная собственность упраздняется путем национализации основных средств производства, частный капитал превращается в государственный капитал, а работники по-прежнему добыва-

ют себе средства к существованию путем найма на предприятия (хотя и государственные), т.е. занимаются отчужденным трудом, хотя бы и смягченным по социалистическим законам. Остается все та же противоположность между наемным трудом и капиталом, только уже не частным, а государственным.

3.3. *Определения у Маркса и Энгельса.* А как на вопрос «что такое коммунизм?» отвечают «первоисточники» марксизма? Почти никак. Вот ответ Ф. Энгельса, данный в его «Принципах коммунизма» (1847): «Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата» [11, т. 4, с. 322]. Здесь нет ни слова о том, как должен быть «устроен» коммунизм. В «Немецкой идеологии», которую К. Маркс и Ф. Энгельс вместе писали чуть раньше, заявлено: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [11, т. 3, с. 34]. Опять ни слова об «устройстве» коммунизма. И еще: «... Коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [11, т. 42, с. 127].

Пожалуй, наиболее насыщенная конкретикой формулировка содержится в «Критике Готской программы» Маркса (1875): «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!» [11, т. 19, с. 20]. Здесь на первое место выдвинуто положение об исчезновении разделения труда, которое подчиняет себе человека и порабощает его. Все прочие подробности поставлены в зависимость от этого основного условия коммунизма. Однако нужно заметить, что Маркс в «Критике Готской программы» дает не определение коммунизма, а ответ на вопрос, возможно ли при социализме (первой фазе коммунизма) распределение общественного продукта по потребностям людей, а не по количеству труда, затраченного членом общества.

Коммунизм – то, чего нет в действительности. Маркс и Энгельс нигде и не говорят, «что такое» то, чего нет. Они говорят лишь о том, что фактически есть, но должно устраниться. Этим они отделяют себя от утопии, повествующей как раз о том, чего нет.

А исчезнуть должно отчуждение, вернее, те производственные отношения, на почве которых оно возникает. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс писал: «Коммунизм как *положительное* упразднение *частной собственности* – этого *самоотчуждения человека... присвоение человеческой* сущности человеком и для человека» есть «возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т.е. *человечному*» [11, т. 42, с. 116].

Пожалуй, более определенной характеристики коммунизма у Маркса не найти. В ней тоже ничего не сказано об устройстве коммунистического общества, но указан предполагаемый результат и смысл упразднения частной собственности – возвращение человека к самому себе, а именно присвоение человеком своей сущности, разрешение спора между его сущностью и существованием. Проще говоря, речь о том, что существование человека является отчужденно-враждебным к другим людям вопреки тому, что сущность человека общественная.

По словам Маркса, сущность человека есть «ансамбль общественных отношений» [12, S. 6]. Однако при всех способах производства, которые требуют рабского или наемного труда, эти «ансамбли» складываются не из любителей полифонии, добровольно сходящихся для создания симфонии, но из людей, гонимых насилием и нуждой, а не своими потребностями. Впрочем, и те, кто получает преимущества от использования чужого труда, тоже являются невольниками эксплуататорских отношений и тоже отчуждены от человеческой сущности.

**4. Отчуждение и его преодоление.** Н.И. Лапин, исследуя воззрения молодого Маркса, вывел такую формулировку: «Коммунизм есть упразднение всякого отчуждения» [13, с. 383], – получилась еще одна дефиниция коммунизма. Очевидно, представление об отчуждении дало 25-летнему Марксу толчок к дальнейшим его научным исканиям. Термином «отчуждение» еще до Маркса пользовались Фихте, Гегель, Фейербах, правда, говорили они не об одном и том же. Так, Фейербах представил отчуждение как создание людьми образа Всемогущего Бога. Люди создали Бога в своем воображении, наделив Его теми достоинствами, которыми люди

могли бы сами обладать, если бы действовали сообща, как единая сила, единый род, связанный доброжелательностью, дружбой, любовью. Но эту свою «родовую», т.е. общественную, силу люди отчуждают от себя в образе Бога, а сами остаются бессильными в своем обособлении друг от друга. Отдавая свою любовь Богу, люди обделяют себя любовью друг к другу. Чтобы вернуть себе свою «родовую жизнь», «родовую сущность» и силу, нужно преодолеть иллюзию и осознать, что «человек человеку бог – таково высшее практическое основаначало, таков и поворотный пункт всемирной истории» [14, с. 308–309]. По Фейербаху, сущность человека состоит в том, что «он общественный человек, коммунист» [15, с. 376].

Фейербаховская критика христианской религии и гегелевского идеализма в начале 40-х годов XIX в. увлекла многих современников, в том числе Маркса и Энгельса. «...Едва ли кто пришел к коммунизму иначе, чем через фейербаховское преодоление гегелевской философии» [11, т. 2, с. 239], – заметил Энгельс. К тому же эта критика близка по времени к первым массовым выступлениям пролетариата, новой общественной силы, порожденной промышленным переворотом (восстания в Лионе 1831 г. и 1834 г., Силезии 1844 г., движение чартистов с 1836 г.). Бедственное положение пролетариата, людей, которые заняты наемным трудом, продают свою рабочую силу, отчуждают ее от себя, возбуждало социалистические и коммунистические настроения в Европе.

Состояние отчуждения в отношениях между людьми выразительно охарактеризовал социалист-утопист Р. Оуэн: «Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин. Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к бесчисленным убийствам» [16, с. 24]. В подобном духе высказывался и молодой Энгельс: «Современное общество, ставящее отдельного человека во враждебные отношения ко всем остальным, приводит, таким образом, к социальной войне всех против всех...» [11, т. 2, с. 537].

Маркс с большим интересом отнесся к фейербаховской критике религии, но он понимал, что разоблачение религиозной иллюзии не может вернуть людям их «родовую сущность», как выражался Фейербах. Маркс отметил «недоделку» у Фейербаха, который «исходит из факта религи-

озного самоотчуждения», «сводит религиозный мир к его земной основе», но не озадачивается «саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы» [11, т. 3, с. 2]. «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека» [11, т. 42, с. 117], и если оно исчезнет, то экономическое отчуждение от этого не прекратится. Этическая проповедь любви человека к человеку не может отменить отчуждение людей друг от друга, основанное на частной собственности. Маркс и Энгельс отвергали «превращение коммунизма в бред о любви» [11, т. 4, с. 3].

По словам Маркса, коммунисты вообще «не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т.д.» [11, т. 3, с. 236]. Маркс избегал морализаторства, сторонился философских говорунов и утопистов, будучи убежденным, что дело коммунизма заключается в практическом упразднении частной собственности.

По Марксу, критика религии – всего лишь «предпосылка всякой другой критики» [11, т. 1, с. 414]. Фейербах разоблачил только видимость Бога, но не вскрыл те условия земной жизни, из-за которых вера в Спасителя является столь желанной. Именно при бесчеловечных социальных отношениях людям нужен утешительный религиозный самообман, «религия есть *опиум* народа» [11, т. 1, с. 415].

В повседневном труде ради заработка человек испытывает чуждость ему процесса труда, чуждость предмета, над которым он трудится, чуждость к тем, кому достается продукт его труда. В конце концов, человек в процессе труда отчужден от самого себя, поскольку, не будь нужды в деньгах, он занимался бы тем, что ему по душе, а не этим чуждым ему трудом. «...Работа имеет для него значение только средства, – писал Маркс, – так что он живет только для того, чтобы добывать себе *жизненные средства*» [11, т. 42, с. 27–28]. «При предпосылке частной собственности моя индивидуальность отчуждена от меня до такой степени, что эта *деятельность* мне *ненавистна*, что она для меня – *мука* и, скорее, лишь *видимость* деятельности» [11, т. 42, с. 36]. Для индивида жизнь приобретает какой-то свой собственный смысл только за пределами этой отчужденной деятельности.

##### **5. Как отменить частную собственность?**

Мысль о необходимости упразднения частной собственности появилась задолго до Маркса. Она была у ранних христиан. В «Деяниях святых апо-

столов» говорится: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» [Деян. 4:32]. Один из «четырех великих латинских учителей церкви», Амвросий Медиоланский, живший в IV веке, писал: «...первое христианское общество так процветало, что, приняв веру, никто уже не берег для себя своего дома и ничего не почитал своим, но, по праву братства, всё у них было общее» [17, с. 28]. Знаменитые утописты Т. Мор и Т. Кампанелла тоже указывали на отсутствие частной собственности в вымышленных ими обществах. И в последующие века многие считали частную собственность причиной общественного неблагополучия, в том числе выдающиеся социалисты-утописты XIX века К.А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн.

Но как отменить частную собственность? Обычный ход мысли приводит к двум вариантам ответа. 1. Добровольно объединиться в коммуну, в которой имущество объявляется общим, а труд обязательным для каждого. В истории известно немало таких попыток, но коммуны подобного рода были недолговечными и локальными явлениями, не распространявшимися на общество в целом. 2. Путем демократических выборов или насильственного переворота заполучить государственную власть, чтобы от ее имени декретировать упразднение частной собственности на средства производства и их обобществление. Самая грандиозная попытка такого рода увенчалась образованием СССР, просуществовавшего семь десятилетий, но не сумевшего добиться решающего преимущества, о котором В.И. Ленин говорил: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» [18, с. 21].

Декретная ликвидация частной собственности на основные средства производства, по-видимому, подразумевает их переход в «народную» или «общенародную» собственность, когда собственниками множества промышленных предприятий и сельских хозяйств являются те же самые люди, которые в них трудятся и, следовательно, они не являются наемными работниками. Но разделение труда между данными предприятиями неизбежно. Вопрос: можно ли организовать общественное производство и распределение трудовых функций и производимой продукции так, чтобы исключить при этом рыночный обмен?

Если устроить экономику согласно лозунгам «земля крестьянам», «фабрики рабочим», а «власть советам», то на деле получились бы каки-

е-то разновидности не общенародной, а частной собственности, хотя и коллективной или акционерной. Средства производства функционировали бы как капитал, и производилась бы товарная продукция для реализации на рынке. Получился бы капитализм, хотя, быть может, и «народный».

Если же основные средства производства национализируются, то функции планирования производства и распределения произведенной продукции выполняются государством. Для отдельных предприятий отпадает надобность в планировании выпуска продукции и рыночной ее реализации, атрибуте капиталистического хозяйствования. Но слово «государство» здесь обозначает не общество в целом, а его управляющую часть. Государственная собственность не является общенародной. Она может использоваться в интересах всего народа, но этот народ не распоряжается ею по своему усмотрению. Люди нанимаются для работы на государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, приводят в действие не принадлежащие им средства производства, производят не принадлежащую им продукцию, получают заработную плату. Социалистическое государство создает систему социального обеспечения и гарантий для работников более гуманную, чем в частнокапиталистических обществах. Тем не менее труд остается по-прежнему наемным, отчужденным.

Поскольку государство становится единственным собственником основных средств производства, оно является монополистом. Изъян всякой монополии состоит в том, что она лишена тех стимулов к развитию, которые создает соперничество. Как раз такая монополия в СССР и не смогла обеспечить превосходство над частнокапиталистическим способом производства в росте производительности труда и достаточно высокий уровень удовлетворения жизненных потребностей населения.

Народная или общенародная собственность как отрицание частной собственности не получается ни путем национализации, ни путем передачи прав собственности тем, кто непосредственно трудится на предприятиях и в хозяйствах. Народной или общенародной собственностью фактически является то, что не расходуется при его использовании, производится и воспроизводится без того, чтобы для этого кого-то нанимали и платили за это деньги. Например, язык, обычай, знания. Это богатство, как и товарная продукция, тоже создается усилиями людей, но оно не превращается в частную собственность. Одна-

ко данное богатство не заменяет материального производства продукции, необходимой для удовлетворения материальных нужд.

**6. Частная собственность, разделение и отчуждение труда.** Уже не только из теории, но и из практики видно, что государственным декретом можно упразднить частную собственность, но проблема отчужденного труда подобным путем не снимается. Чем же в таком случае обусловлено отчуждение труда и связанных с ним видов отчуждения? Познание этого фактора дало бы возможность судить, на что нужно воздействовать, чтобы упразднить отчужденный труд, и возможно ли вообще это упразднение.

Как заметил Н.И. Лапин, молодой Маркс, работая над своими «Экономическо-философскими рукописями», в центре которых оказалась проблема отчуждения, не сразу понял, что основу отчуждения надо искать в разделении труда [13, с. 450]. До Маркса этому явлению значительное внимание уделил основоположник политической экономии А. Смит, усмотревший в нем фактор роста производительности труда и экономического развития в целом. У Маркса и Энгельса тема разделения труда вышла на передний план в «Немецкой идеологии» и последующих сочинениях, особенно в «Капитале» Маркса.

И все же, по-видимому, Марксу не удалось достичь достаточной ясности насчет соотношения явления разделения труда с явлениями частной собственности и отчуждения труда.

В «Немецкой идеологии» говорится, что разделение труда делает возможным и действительным разделение материальной и духовной деятельности, труда и наслаждения, производства и потребления, а это является предпосылкой таких противоречий между индивидами, которые можно исключить «только путем устранения разделения труда» [11, т. 3, с. 31]. К тому же «как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти, ...если не хочет лишиться средств к жизни...» [11, т. 3, с. 31–32]. А далее: «Вместе с разделением труда <...> дано и *распределение*, <...> следовательно, дана и собственность...». И здесь же высказано сомнительное утверждение о том, что «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» [11, т. 3, с. 31].

---

В этих высказываниях, уместившихся на паре страниц, размашисто, недостаточно разборчиво характеризуются соотношения между разделением труда и частной собственностью. Сомнительно их отождествление потому, что разделение труда – это распределение функций в совместной деятельности, обусловленное содержанием этой деятельности, а частная собственность – это распределение прав, полномочий между людьми по отношению к каким-либо предметам, причем эти люди могут быть совершенно непричастны к той совместной деятельности, которая создала эти предметы.

Собственнические права могут быть изменены или отменены, например, декретом, о чем уже говорилось, но необходимость разделения труда декретом не отменяется. Распоряжением советской власти частная собственность на основные средства производства была превращена в государственную собственность, однако отчужденный труд не исчез. Не потому ли, что разделение труда как было, так и осталось?

Соображения о необходимости уничтожения разделения труда еще не раз высказываются в «Немецкой идеологии». Они резюмируются в следующих тезисах: 1) уничтожение разделения труда является условием уничтожения обособления и противостояния индивидов; 2) условием уничтожения разделения труда является развитие общения и производительных сил до универсальности; 3) частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов; 4) в настоящее время частная собственность должна быть уничтожена потому, что развитые производительные силы и формы общения стали при господстве частной собственности разрушительными силами, а противоположность между классами дошла до крайности; 5) уничтожение частной собственности и разделения труда есть вместе с тем объединение индивидов на основе современных производительных сил и мирового общения [11, т. 3, с. 440–441]. Суждения о надобности универсальных производительных сил и всесторонней развитости индивидов здесь представляются смутными.

Если в «Немецкой идеологии» о разделении труда и необходимости его уничтожения говорилось весьма обобщенно, то в «Капитале» Маркс уже более тщательно анализировал явление разделения труда и различал такие его разновидности, как естественное, территориальное, международное, мануфактурное, общественное. Особое внимание Маркс уделил различию ману-

фактурного и общественного разделения труда, которому его предшественник А. Смит не придал значения, счел его «субъективным». Маркс заметил, что, несмотря на имеющиеся аналогии, у этих видов разделения труда есть существенная разница. Между участниками общественного разделения труда происходит товарообмен, тогда как при мануфактурном разделении труда его нет, «здесь частичный рабочий не производит товара», «лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар» [11, т. 23, с. 367].

Принципиальных выводов из подобного замечания не последовало. В «Немецкой идеологии» говорилось о разделении труда вообще как об условии отчуждения, без конкретизации видов разделения. Однако разделение функций при совместной деятельности имеется почти всегда, за исключением случаев простого соединения качественно одинаковых усилий, таких, как в сказке о репке, когда пригодилась дополнительная сила всего лишь одной мышки. Если разделение функций – «вечная категория» трудовой деятельности, то можно ли вообще предполагать когда-либо упразднение отчуждения труда? Для решения задачи о возможности или невозможности упразднения отчужденного труда нужно конкретизировать исходные условия задачи. Всякое ли разделение труда влечет за собой отчужденный труд, и что такое труд?

По определению Маркса, «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» [11, т. 23, с. 188]. В этой дефиниции две взаимодействующие стороны – человек и природа, взаимодействие имеет материальный характер. Однако во всем собрании сочинений Маркса и Энгельса многократно говорится также о духовном/интеллектуальном труде/производстве (*geistige/intellektuelle Arbeit/Produktion*). Подходит ли «духовное производство» под приведенную дефиницию труда? Является ли творение поэта, музыканта, ученого «процессом между человеком и природой»? Очевидного ответа нет, и эта неясность переходит далее и в термин «разделение труда».

Возвращаясь к вопросу о видах разделения труда, нужно заметить, что Маркс различил общественное и мануфактурное разделение труда на основании одного признака – наличия или отсутствия товарообмена между участниками



разделения труда. В обоих случаях речь идет о разделении труда в «обществе товаропроизводителей» [11, т. 23, с. 51, 89], т.е. капиталистическом обществе, и, в конечном счете, мануфактура тоже производит товары. Сделанный Марксом акцент на признаке наличия товарообмена наводит на вопрос, возможно ли какое-то разделение труда, не влекущее за собой товарного обмена.

Вообще производство товаров и услуг – это деятельность, которая связана с существованием отчужденного труда ближе и нагляднее, чем разделение труда и частная собственность. Даже тогда, когда люди, производящие товары, работают только на самих себя, а не нанимателя, используют собственные средства производства, и продукт труда принадлежит им же, они делают не то, что удовлетворяет их собственные потребности. Они «делают деньги», которые сами по себе не удовлетворяют их жизненных потребностей.

До появления общества товаропроизводителей, т.е. в первобытном, рабовладельческом, феодальном обществе или, по другой терминологии, в традиционном, аграрном, доиндустриальном обществе, значительная часть людей в планировании своей хозяйственной деятельности ориентировалась на производство тех вещей и в том количестве, которые нужны для удовлетворения собственных потребностей. Они использовали средства производства, которые для своего изготовления и восстановления не требовали научных знаний и оборудования, создаваемого на основе таких знаний. Все нужное для жизни они по большей части производили в своем хозяйстве, время от времени обращаясь также к местному умельцу, ремесленнику или купцу. Наоборот, в обществе товаропроизводителей, или капиталистическом, индустриальном, современном обществе, люди почти ничего нужного для их жизни не способны производить в собственном хозяйстве. Сегодня большинство людей в своих домах не способны устранить собственными силами неполадки в функционировании даже самых обыденных вещей. Но все можно приобрести за деньги. Большинство людей вынуждено наниматься на работу, которая сама по себе не удовлетворяет потребности, но приносит деньги. Другая часть людей организует эту работу, они являются предпринимателями-нанимателями, но точно так же не удовлетворяют этой деятельностью свои потребности, а добывают деньги. В обществе товаропроизводителей почти у всех основным занятием в жизни является делание того, что им самим не нужно. Само определение товар-

ного производства на то и указывает: «Товарное производство – форма общественного производства, при которой продукты производятся не для собственного потребления, а для обмена посредством купли-продажи на рынке» [19, с. 145].

Сказанного достаточно, чтобы уяснить, что пока люди добывают средства для удовлетворения своих насущных потребностей при помощи товарообмена, занимаясь бизнесом или нанимаясь на работу ради денег, они неизбежно обременены отчужденным трудом, с которым неразрывно связано отчуждение также от других людей и от самих себя. Это очевидно даже без углубления в анализ причинно-следственных связей отчуждения труда с разделением труда, частной собственностью, делением общества на классы.

**7. Эрозия общества товаропроизводителей.** Обмен продуктами деятельности – ценное изобретение человечества. По меньшей мере, оно стало хорошей альтернативой простому отнятию чужого имущества путем разбоя или кражи. В рыночном обществе товаропроизводителей деньги как эквивалент всевозможных товаров выполняют ценнейшую функцию уравнивания между спросом и предложением товаров и функцию количественной меры общественно полезной деятельности. Эти функции выполняются деньгами отнюдь не безупречно. Тем не менее для людей, привыкших осмысливать свое существование в товарно-денежных категориях, едва ли представимо, как современное развитое общество или возможное в будущем еще более развитое общество могло бы существовать без товарного производства и без денег, опосредующих товарообмен. Вряд ли современным здравомыслящим людям придет на ум отменить революционным декретом товарное производство ради исчезновения отчужденного труда. Значит ли это, что отчуждение труда неустранимо?

**7.1. Постиндустриальное общество.** С развитием производительных сил характер труда меняется. Во второй половине XX века в США численность работников, занятых в промышленности и сельском хозяйстве, стала меньше, чем в сфере услуг. Это дало повод говорить о формировании общества нового типа, «постиндустриального». Д. Белл засвидетельствовал свой приоритет первооткрывателя: «В 1959 году, я писал: “Придуманый мною термин ‘постиндустриальное общество’ обозначает общество, которое перешло от стадии товарного производства к стадии сервиса”» [20, с. 49]. Он убеждал, что постиндустриальное общество уже не только футуроло-

---

гический прогноз, но и реальность: «Показатели перехода от индустриального к сервисному сектору достаточно очевидны. В США в 1970 г. 65% рабочей силы было занято в сфере услуг, около 30 – в промышленности и строительстве и неполных 5% – в сельском хозяйстве» [21, с. 330]. Д. Белл констатировал, что одновременно со становлением постиндустриального общества разворачивается революция в обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер.

Локомотивом производственной деятельности становятся информационно-коммуникационные технологии. «...Технология составляет одну из осей постиндустриального общества; другой его осью является знание как фундаментальный ресурс», – утверждал Белл. По его мнению, «совершенно очевидно, что постиндустриальное общество представляет собой общество знания», которое является источником инноваций, а «прогресс общества... все более однозначно определяется успехами в области знания» [20, с. 288]. Промышленность и сельское хозяйство не исчезают, но утрачивают свою центральную роль. В постиндустриальном, или информационном, обществе «именно знание, а не труд выступает источником стоимости»; «знания и способы их практического применения замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости» [21, с. 332].

В теоретических построениях Маркса показано, как «потребительная стоимость», создаваемая трудом, выступает на рынке в качестве «меновая стоимость», как обусловлена трудом собственно «стоимость» и как прибавочным трудом образуется «прибавочная стоимость». Белл просто констатировал, что знание, а не труд выступает в постиндустриальном обществе источником стоимости и прибавочной стоимости. Как это происходит, Белл не объяснил, а лишь мимоходом отметил, что это «совершенно очевидно». Но без анализа причинно-следственных связей между знанием и стоимостью их корреляция не представляется очевидной.

7.2. *Знание – неправильный товар.* В своем «Предисловии к изданию 1976 года» Белл оставил несколько замечаний о неясности соотношений между понятиями знания/информации и стоимости. Отличие «экономики информации» от «экономики товаров» он усмотрел в том, что «постиндустриальное общество характеризуется не трудовой теорией стоимости, а теорией стоимости, основанной на знании. <...> Особенность последнего заключается в том, что, даже будучи

проданным, оно остается также и у своего производителя. Знание представляет собой “коллективное благо”, поскольку по своему характеру с момента создания оно становится доступно всем» [20, с. CLII]. К тому же «информация и знания не потребляются и не “расходуются”» [20, с. CLI]. В конечном счете, Белл фактически признался в отсутствии упомянутой «теории стоимости, основанной на знании»: «И поскольку у нас нет готового инструмента рыночной оценки стоимости, например, фундаментальных исследований, то перед экономической наукой ставится трудная задача – разработать социально оптимальную политику инвестиций в производство знаний» [20, с. CLII–CLIII].

Проблема адекватной оценки знания/информации в качестве товара уже существует, и уже идут ее научные обсуждения. Правда, они пока не охватили широкую аудиторию, поскольку эта проблема еще не слишком остра и очевидна. Показательны некоторые суждения В.И. Грачева, в которых сквозит вера в возможность товарно-стоимостной оценки информации, смешанная с озадаченностью, как эту возможность осуществить. Автор признает, что «информация – категория нематериальная», и все же ему трудно согласиться с мнением, будто «информация изначально не предназначается для обмена путем купли-продажи, т.е. не обладает определяющим признаком товара» [22, с. 210]. В противовес он предлагает пару доводов, якобы свидетельствующих о принадлежности информации к роду товаров. Во-первых, информационные продукты обмениваются, из чего автор заключает, что они «обладают, как любой товар, меновой стоимостью». Во-вторых, информационные продукты удовлетворяют потребности людей, значит, они «обладают потребительной стоимостью» [22, с. 210]. Ход мысли В.И. Грачева таков: если всякий товар обладает двумя свойствами – потребительной стоимостью и меновой стоимостью, а информация ими обладает, то, следовательно, информация есть товар. Кажется, «теорема» доказана. Суждение о возможной «потребительной стоимости» информации, т.е. о ее ценности, значимости (*der Wert, value*), не обязательно выразимой в деньгах, сомнений не вызывает. Но «меновая стоимость» информации какая-то странная. Если кто-то обменивается «нормальными» товарами, например, пара обуви обменивается на два стула, то меновая стоимость этой пары обуви равняется меновой стоимости этих двух стульев. Одновременно каждая из меняющихся сторон лишается своего

товара и получает чужой. Но если несколько человек обмениваются мнениями (информацией) о том, будет ли расти цена на нефть, то каждый получает доступ к чужому мнению и при этом каждый «остается при своем мнении». Какие-то неправильные «товары» эти мнения. В.И. Грачев чувствует эту неправильность и делает оговорки: «Вместе с тем на социальную информацию, как и на другие духовные ценности, нельзя безоговорочно распространять законы товарного производства, ибо это породило бы непреодолимые трудности. <...> Так, нельзя же, в самом деле, оценивать картины, скульптуры, литературные и музыкальные произведения временем и количеством потраченных красок, холста, бумаги, нот на их создание» [22, с. 211]. Далее автор перечисляет ряд особенных свойств информации как продукта труда, на которые указывают и прочие исследователи. Наконец, он формулирует вывод: «Признавая информационный продукт товаром, необходимо отметить, что его уникальные товарные свойства вносят существенную специфику в систему социокультурных и маркетинговых коммуникаций. Подобные, несомненно, вносит трудности в торговлю им...» [22, с. 213]. Подобные слова показывают, что автор от начала и до конца статьи сохраняет уверенность в том, что информация есть товар, хотя он и «вносит трудности». Но какой же товар продается без трудностей?!

Еще до того как Д. Белл явил свое учение о постиндустриальном обществе, «отец кибернетики» Н. Винер иронизировал по поводу отношения к информации «в соответствии со стандартным американским критерием: цена вещи измеряется товаром, на который она будет обменена на свободном рынке. <...> Удел информации в типичном американском мире состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано». Н. Винер попытался показать на нескольких примерах, что «эта торговая точка зрения» «приводит к неправильному пониманию информации и связанных с ней понятий и к дурному обращению с ними» [23, с. 120]. Экземпляры правильного товара должны арифметически складываться, как и уплаченные за них деньги, но с изобретениями и информацией дела обстоят иначе. Возможно, Винер имел в виду, что одна и та же информация, повторенная 100 раз, не стоит в 100 раз больше, чем ее единственный экземпляр. Еще пример – о стоимости ювелирного изделия из золота: «твердой стоимостью» обладает лишь золото, а стоимость художественной отделки определяется произ-

вольно по согласию. Проблема товарной оценки информации подобна проблеме товарной оценки произведения искусства. Неясным выглядит и соотношение информации с правом собственности, но обыватель «не может представить никакой информации без владельца» [23, с. 127].

Если Винер указал на нетоварный характер информации, то А. Горц не менее определенно продемонстрировал, что и знания имеют нетоварные свойства: «Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром. ... Их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Никто не может определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний. Он может быть творческой деятельностью, хобби, занятием в свободное время. Кроме того, не существует отношения эквивалентности между формами знаний и содержанием знаний: одно знание невозможно поменять на другое» [24, с. 14]. В своих анализах А. Горц различил «формализуемое знание», которое может быть передано другим людям, и «живое знание» как неотъемлемые способности личности. Он приблизился к выводу, что «формализуемые знания открывают... перспективу экономического развития в сторону экономики изобилия, ... в которой производство, требующее все меньше непосредственного труда, распределяет все меньше платежных средств. В тенденции (меновая) стоимость продуктов падает. Рано или поздно это должно привести к падению (денежной) стоимости всего произведенного богатства, к сокращению объема прибыли и, возможно, к краху производства, основанного на меновой стоимости. <...> Когнитивный капитализм *действительно* представляет собой кризис капитализма как такового» [24, с. 53].

7.3. *Лишние люди.* Научно-технический прогресс все больше вытесняет из процесса производства живой человеческий труд. Происходившие ранее механизация и автоматизация дополнились компьютеризацией и роботизацией производства. В 1986 г. Э. Дрекслер провозгласил наступление эры нанотехнологии. Вслед за аграрной, промышленной и информационной революциями назревает АТП-революция (АТП – атомарно точное производство, осуществляемое наномашинami). «На смену огромным, загрязняющим природу заводам и фабрикам должны прийти чистые компактные машины» [25, с. 19]. Если «производственная деятельность фабрик и заводов основана на использовании рабочей силы и завозимых издалека сырья и материалов»

---

[25, с. 92], то нанопроизводство не требует рабочей силы и привозных материалов. Э. Дрекслер особо не вникает в социальные последствия этой технологической революции, но отмечает, что «возникают вопросы, ответы на которые выходят далеко за рамки наших ожиданий или возможностей полного осмысления. Потенциальные перспективы включают в себя падение спроса на традиционные труд и ресурсы, а также капитал, используемый в материальном производстве. В результате резко повысится вероятность каскадных разрушительных воздействий на глобальную экономику» [25, с. 430].

Абстрактный футурологический прогноз социальных последствий нанотехнологической революции переоплотил в живые событийные образы А. Лазаревич в научно-фантастической повести «Сеть “Нанотех”» [26]. Наномашин (бактерии-киборги) уже созданы, они уже размножились по всей планете и готовы выполнять мысленные команды людей, обеспечивать их жизненные потребности. Остается лишь объявить всем людям Земли об этом и научить их пользоваться сетью «Нанотех». Это новшество обернется для всех избавлением от нужд, болезней, необходимости отчужденного, наемного труда, но некоторые при этом лишатся своего привычного превосходства над другими людьми, того превосходства, которое дают деньги и административная власть. И эти «некоторые» пытаются препятствовать внедрению новшества. Сама представленная идея выглядит сегодня с научно-технической точки зрения не более фантастично, чем ныне находящийся на экспериментальной стадии проект управляемого термоядерного синтеза.

Вся эта череда технологических революций все больше обостряет проблему «лишних людей» и платежеспособного спроса в системе товарного производства. Ей уделил немалое внимание А. Горц. Он констатировал, что в настоящее время «простой абстрактный труд, со времен Адама Смита трактованный как источник стоимости, сменился трудом более сложным. Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами» [24, с. 21]. Отсюда вытекает вопрос: «Как может продолжать существовать товарное общество, когда производство товаров использует все меньше труда и пускает в обращение все меньше платежных средств?» [24, с. 61].

Вопрос явно риторический. Все люди, занятые в производстве, – «потенциальные безработные, временно трудоустроенные» [24, с. 101].

Все чаще задаются вопросы такого рода: «Что же произойдет с человечеством, если начавшийся сегодня процесс использования искусственного интеллекта в экономике будет продолжаться и “набирать обороты”? Очевидно, что люди будут массово вытесняться из экономики» [27, с. 18]. А в итоге, – заключают В.Е. Воронин и Т.А. Щукина, – «планетарный социальный кризис» [27, с. 20].

Система товарного производства, стимулируя научно-технический прогресс, развивает такие производительные силы, которые ставят под сомнение возможность дальнейшего существования товарного производства. В течение всего времени с начала промышленного переворота «тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства» [11, т. 46, ч. 2, с. 206]. Следовательно, «непосредственный труд сводится к менее значительной доле» [11, т. 46, ч. 2, с. 207]. Логика политэкономической теории Маркса привела к выводу: «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости» [11, т. 46, ч. 2, с. 214]. Это написано тогда, когда не было даже намеков на будущую компьютеризацию, роботизацию, нанотехнологизацию производительных сил, но была теоретически понята логика их развития.

Теперь проясняется, что назревающая нанотехнологическая революция способна сделать товарное производство вообще ненужным и бессмысленным. Не будет смысла в производстве массы фабрично-заводских продуктов, когда каждый человек сможет пользоваться чем-то вроде «Сети Нанотех» и прямо на месте создавать все нужное для жизни и тут же избавляться от того, что становится ненужным, не захламляя пространство. Поскольку для такого производства не требуется «живой» непосредственный труд, потеряют смысл применение наемного труда, начисление заработной платы и приобретение чего-либо за такую плату.

**8. Вопрос о смысле.** Мысль о том, что все люди, а не только «избранные», избавятся от необходимости трудиться ради добывания «хлеба насущного», должна вызывать и недоверие (это просто утопия!), и тревогу. Чем займутся все эти люди, ставшие «лишними»? Извечное бремя добывания пищи «в поте лица» накидывало на всех и каждого свою узду в общественном разделении труда, принуждало к определенному порядку, обусловленному объективной необходимостью. Если «труд создал самого человека» [11, т. 20, с. 486], то люди, лишённые принуждения к труду, не вернутся ли в «естественное состояние»? Если для обеспечения существования не нужно обменивать товар на деньги, а деньги на товар или услугу, то нужны ли люди друг другу? Если не будет нанимателя и наемного работника, господина и раба, элиты и массы, классов высших и низших, и никто никому ничего не должен, и станут невозможными штрафы, то какой тогда может быть порядок во взаимоотношениях? Не станет ли существование вообще бесполезным и бессмысленным?

У прорицателей постиндустриального общества мысли движутся по накатанному пути: опять будут высшие и низшие слои общества, разве что изменятся критерии дифференциации, и доступ наверх откроется не по богатству, а по уму, который опять-таки обеспечит своему обладателю и власть, и богатство. Такое представление отчетливо выразил Д. Белл: «Каждое из известных нам обществ делилось по тому или иному осевому признаку на элиту и массы. <...> В постиндустриальном обществе элита – это элита знающих людей. ...“Элита знания” может стать новой элитой власти» [21, с. 340–341]. Он предположил в постиндустриальном обществе образование четырех классов: 1) «класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью»; 2) техники и полупрофессионалы; 3) служащие и торговые работники; 4) ремесленники и полуквалифицированные рабочие [20, с. 500]. Подобная иерархия в «Новом цифровом мире» [28] представляется также Э. Шмидту и Дж. Коэну: сложится сетевая кастовая система, наверху пирамиды окажется небольшая группа пользователей интернета, которая обособится за счет высокого уровня доходов, уникальных возможностей доступа, географического положения.

В самом деле, такие представления успокаивают. Технологии совершенствуются, но привычные социальные порядки сохраняются. Но если все-таки товарно-денежные отношения

обессмыслятся, как и притязания одних людей на превосходство над другими людьми, то не станет ли жизнь неупорядоченной и бессмысленной? Вопрос о смысле существования до сих пор основательно исследовался немногими философами, к их числу относятся И. Кант, С.Л. Франк, А. Камю, Б. Хюбнер. Пока над людьми довлечет нужда, они больше озабочены добыванием средств к существованию, чем вопросом, для чего существование.

В обществе товаропроизводителей все вынуждены делать то, что им самим не нужно, т.е. товары и услуги. Но если товары и услуги станут вообще не нужны, то станет нечего делать? К чему может стремиться человек, существование которого вполне обеспечено без необходимости трудиться?

Люди способны совершать действия, которые важны, значимы и, может быть, также интересны, увлекательны сами по себе, не ради какого-либо вознаграждения за них. Виды таких действий и их мотивы могут быть весьма многообразными, и они известны даже в мире чистогана и нужды. Например, спасение терпящих бедствие, забота о своих близких и дорогих людях. Поэты, музыканты могут сочинять без всякого расчета на гонорар. Ученые, мыслители могут вполне бескорыстно предаваться своим изысканиям, зная, что никто им за это не заплатит. Разве что на одну награду могут надеяться – простую благодарность, хотя могут обойтись и без нее, удовлетворяясь лишь собственным пониманием нужности дела. Важно доказать хотя бы себе, что ты не пустое место, что у тебя есть человеческое достоинство. И еще люди умеют ценить доброжелательное, приятное, товарищеское отношение к себе и другим, не связанное с корыстью. Можно предполагать, что такие способности не утратятся, а только будут развиваться, если прогресс производительных сил приведет к ненужности наемного отчужденного труда и обессмысливанию товарно-денежных отношений.

Преградой на пути подобного развития может быть выработанная в течение тысячелетий склонность к превосходству над другими людьми, основанному на богатстве, административной власти или простом насилии. Как фактически будут развиваться события, предугадать невозможно, однако можно полагать, что обществу товаропроизводителей, его «элите» и «массе» предстоит искать ответы на такие вызовы, как проблема товарной стоимости информации и знаний и проблема лишних людей.

**Заключение.** Вероятно, коммунизм не будет построен никогда в том смысле, в каком строители могут «сдать объект под ключ». Нет положительного проекта коммунизма, предписывающего, что в нем должно быть. Речь пока шла о том, чего не должно быть, но всего лишь отмена того, чего быть не должно, не есть создание нового способа существования. Суть дела заключается не столько в борьбе за политическую власть, которая могла бы законодательно отменить частную собственность, деление общества на классы и т.п., сколько в дальнейшем научно-техническом прогрессе. В ходе данного исследования выяснилось, что современное развитие производительных сил ведет, вероятно, к обесмысливанию товарной формы общественного производства, отмирание которой повлечет ненужность наемного, отчужденного труда. Эта перемена произойдет не одновременно, потребует новых, небывалых решений по перестройке отношений между людьми, адекватных меняющимся условиям жизни. Люди могут стать лишними только в качестве наемных работников, занятых отчужденным трудом и употребляемых для осуществления чужих целей. Но, как установил И. Кант, «в ряду целей человек (а с ним и всякое разумное существо) есть *цель сама по себе*, т.е. никогда никем (даже Богом) не может быть использован только как средство...» [29, с. 530].

### Литература

1. Зеличенко, А.И. Коммунизм: теория, практика, коммунизм в истории, этическая оценка [Электронный ресурс] / А.И. Зеличенко. – Режим доступа: <https://russkiysvet.livejournal.com/2016/12/19/>. – Дата доступа: 05.06.2018.
2. Балашов, Л.Е. Практическая философия / Л.Е. Балашов. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – 320 с.
3. Браун, А. Взлет и падение коммунизма / А. Браун. – М.: РОССПЭН, 2014. — 862 с.
4. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К.Р. Поппер. – М.: Открытое о-во «Феникс», 1992.
5. Зиновьев, А.А. Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2001. – 430 с.
6. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 494 с.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
8. КПСС. XXII съезд КПСС. 17–31 окт. 1961 г. Стенографический отчет: в 3 т. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 3: Стенограммы 21–26 заседаний. – 1962. – 592 с.
9. Абалкин, Л.И. Коммунизм / Л.И. Абалкин, А.М. Румянцев // Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 2. – 1975. – С. 194–199.
10. Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: [4 т.] / гл. ред. А.М. Румянцев. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 3. – 1979. – 623 с.
11. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954.
12. Marx, K. Werke [39B.] / K. Marx, F. Engels; 5. Aufl. – Berlin: Dietz Verlag, 1958. – В. 3. – 1978. – 610 S.
13. Лапин, Н.И. Молодой Маркс / Н.И. Лапин. – М.: Политиздат, 1986. – 479 с.
14. Фейербах, Л. Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – 1955. – 943 с.
15. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Наука, 1995. – Т. 2. – 1995. – 424 с.
16. Оуэн, Р. Избранные сочинения: в 2 т. / Р. Оуэн. – М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. – Т. 2. – 352 с.
17. Амвросий Медиоланский. Слово о взаимной любви христиан // Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 1837. – Ч. IV. – С. 28–34.
18. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1960–1970. – Т. 39. – 1970. – XXIV, 623 с.
19. Малафеев, А.Н. Товарное производство / А.Н. Малафеев // Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 4: Социология–Я. – 1980. – С. 145–148.
20. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – CLXX, 783 с.
21. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
22. Грачев, В.И. Товарные свойства информации в системе современных социокультурных коммуникаций / В.И. Грачев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 207–214.
23. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 200 с.
24. Горц, А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал / А. Горц. – М.: Изд. дом Государственного ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 206 с.
25. Дрекслер, Э. Всеобщее благоденствие: как нанотехнологическая эволюция изменит цивилизацию / Э. Дрекслер. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2014. – 502 с.
26. Лазаревич, А. Сеть «Нанотех» [Электронный ресурс] / А. Лазаревич. – Режим доступа: <http://technocosm.narod.ru/nanotech.htm>. – Дата доступа: 03.06.2018.
27. Воронин, В.Е. «Нечеловеческое лицо» новой информационной революции / В.Е. Воронин, Т.А. Щукина // Информационные технологии в экономике, образовании и бизнесе: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2017. – С. 13–20.
28. Шмидт, Э. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Э. Шмидт, Д. Коэн; пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 367 с.
29. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – 630 с.

Поступила в редакцию 05.06.2018 г.